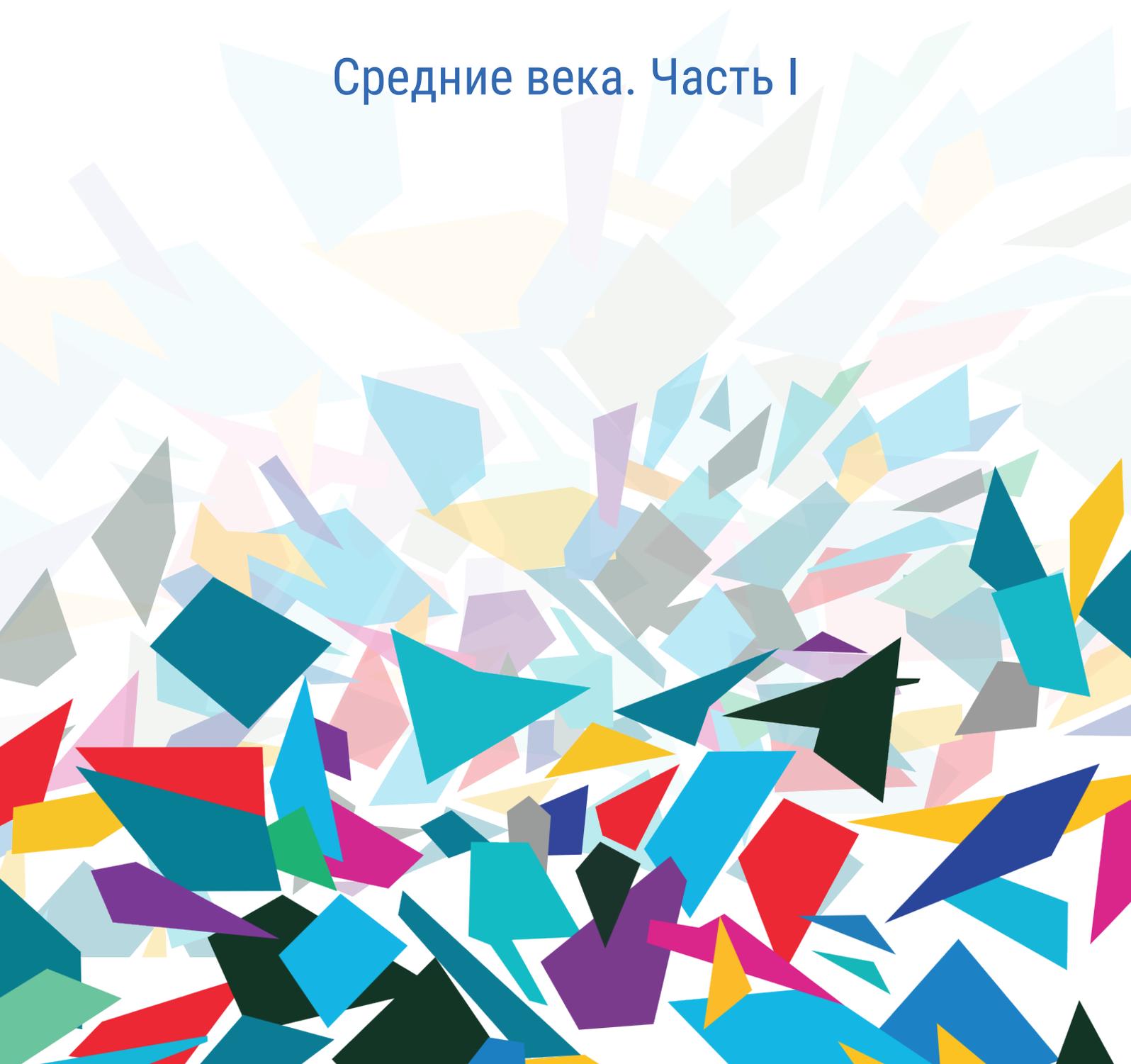

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Средние века. Часть I

Прошлой лекцией мы завершили рассказ о традиции историописания античной Греции и Рима. Представления, на которых основывались историки этого периода, в полной мере отражали доминирующие общественно-политические и экономические структуры Средиземноморья. Таким образом, обращаясь к далекому прошлому, как это делали Геродот у греков и Тит Ливий у римлян, авторы сознательно или неосознанно, предоставляли слепок современного им момента. Идея о том, что образ прошлого является самоосмыслением настоящего, красной линией проходит сквозь лекции данного курса.

Социальные, культурные и политические потрясения, похоронившие античный мир и давшие жизнь новому миру, много позже названному средневековому, привели и к фундаментальным изменениям в понимании истории и ее целей, в историческом сознании сообществ, в самой практике написания исторических текстов. У нас нет времени детально описывать процессы становления Средневековья на руинах Античности. Важно помнить, что культура средних веков произрастала из трех источников: из предшествующей ей языческой античной культуры; из Христианства, превратившегося в IV веке нашей эры в главенствующую, а затем и единственную «официально допустимую» религию в западной части Римской империи; из представлений народов (по большей мере германских), покоривших Рим и заложивших основы новым политическим формациям.

В этой и следующей лекциях мы поговорим о средневековой западноевропейской историографии. Мы попытаемся описать основы средневековой концепции истории, фокусируясь как на тех аспектах, что роднили ее с античным историческим знанием, так и на тех аспектах, что отделяли ее от предшествующей традиции. Затем мы затронем вопрос о восприятии самого исторического времени средневековыми европейскими сообществами. Дискуссия о сути исторического времени является краеугольной, так как именно средневековая концепция исторического времени и составляет главную особенность всей средневековой исторической традиции и является, возможно, основным вкладом в современную историческую науку и в современное историческое сознание в целом.

В следующей лекции мы перейдем от суждений общего философского характера к конкретике исторического письма в эпоху Средних веков.

Когда мы говорим о средневековых исторических произведениях, то имеем в виду крайне разнообразные работы как по тематике, так и по жанрам. Сюда входят истории династий и королевств, церковных сообществ, биографии и автобиографии, генеалогии знатных, жития всевозможных христианских святых и даже литургии по усопшим. В целом, средневековые историки придерживались мнения своих античных предшественников, усматривая в прошлом примеры для настоящего. Опыт минувших поколений должен был поучать и предостерегать людей от ошибок. Такая дидактическая направленность, облекающая факты из прошлого категориями морали и этики, объясняет известные анахронизмы исторических произведений эпохи. Достаточно упомянуть превалирующую в различных манускриптах практику облачения персонажей из далекого прошлого в современные историку одеяния, чтобы понять, что прошлое являлось в некотором роде единым с настоящим.

Восприятие прошлого и настоящего как составляющих единое целое роднило средневековую историографическую традицию с античной. Однако, следует подчеркнуть, что представления о смысле, цели и движущих силах человеческого пребывания во времени были у средневековых историков совершенно иными. Своеобразие их идей коренилось в новом христианском мировоззрении. Законченную же форму идеи, лежащие в основе средневекового исторического знания, нашли в сочинениях Отцов Церкви, наиболее авторитетных богословов первых веков существования церкви. К ним относятся сочинения святого Иеронима, заложившего основы христианской хронологии, Павла Орозия, создавшего модель политической истории христианского Запада, и Аврелия Августина, разработавшего концепцию борьбы двух миров – Града Небесного и Града Земного. В своих главных чертах созданный ими образ истории оставался неизменен на протяжении всего Средневековья.

Историки Средневековья руководствовались отличными от античных представлений о достоверности. Во многом это было обусловлено тем, что наряду с рациональным познанием, средневековая христианская наука признавала и знание, полученное в результате откровения. Поэтому вполне естественным кажется роль источников, воспринимаемых за авторитетные, высоко стоящие в христианской теологической иерархии, в определении правдивого. Так, факты, приведенные в Библии и ряде других текстов, оценивались как абсолютно истинные.

В соответствии с вышесказанным и история, представленная в Библии, история древних иудеев, окруженная божественным присутствием, стояла выше античной истории. Прошлое, следующее за ветхозаветными событиями, воспринималось как естественное продолжение истории иудеев и ее

проблематики, только спроектированной теперь на христианские сообщества.

Если в античной истории события самодостаточны и ценны сами по себе как источник важных с этической позиции сведений, то события, отраженные в средневековых работах, обретают смысл и значимость как отражение Божьей воли. Все человеческое существование мыслилось именно как диалог с Творцом, наделенным свойствами Личности. Этот диалог протекал не только в вечности, но и в земном, историческом времени. Человеческая история стала своеобразным текстом, уже написанным Творцом, но не до конца проясненным для человека, его основного действующего лица.

Именно отсюда – из убеждения в присутствии утвержденного Богом смысла всего человеческого становления – произросла практика символической и аллегорической трактовки событий. Христианских авторов не интересовали поверхностные объяснения, связывающие причины со следствиями. Вместо этого они стремились дать глубинное истолкование каждому событию в контексте воплощения Божьего замысла.

Парадигматическим текстом глубинного, аллегорического истолкования всей истории является трактат «О Граде Божьем» Августина Блаженного, епископа Гиппонского. Следуя Августину, вся история – это хроника сосуществования и борьбы Града Божьего, населенного праведниками, и Града земного, населенного грешниками. Эти два противоборствующих лагеря взаимопроницают в друг друга, но к финальному моменту истории – Страшному Суду – они будут отделены друг от друга. История, являясь борьбой веры с безверием, имеет свой конец в виде торжества веры, однако момент наступления этого финала не может быть определен со стопроцентной точностью.

Свидетель заката Римской империи Августин скорее склонен верить в скорое пришествие финала. Пока история продолжается, жители Града Божьего должны уповать на церковь как на некое земное отражение Царства Божьего, обещанного праведникам после конца времен.

Здесь мы видим, что исторические концепции служили обоснованием претензий на социальный и политический авторитет для новых институтов, то есть Церкви.

С Августином мы подошли вплотную к идее исторического времени, что разительным образом отличала средневековую историческую традицию от предшествующей ей античной.

Как было нами отмечено в предыдущей лекции, время истории в представлении античных историков было само по себе пустым. Оно «появлялось» (наполнялось содержанием) только с самими событиями. Именно события, будь то краткосрочные или протяженные по времени, определяли начало и конец истории. При этом разные события определяли отдельные истории: время одного явления не соотносилось со временем другого; каждый из этих периодов был автономен, а события – самодостаточны.

Христианская традиция переняла от древних иудеев совершенно иное представление об историческом времени. Оно не пустое, но существующее и предшествующее всем событиям, поскольку и создано Богом, чтобы вместить эти события и довести Историю до конца, самореализоваться. И с этой самореализацией исчезнуть. Время линейно и едино для всех сообществ, каждое из которых вносило свой вклад в исполнение Божественного предопределения.

Понимание исторического времени поставило перед средневековыми авторами задачу написания всеобщей истории. За пример была взята Священная история, описанная в Ветхом Завете. В IV и V веках появились первые (христианские) образцовые схемы всеобщей истории. Их авторами являлись Евсевий Кесарийский и автор первого латинского перевода Библии Святой Иероним. В их хронографиях представлен вариант членения человеческой истории от Авраама до современных дней, в качестве поворотных трактовались как библейские, так и реальные события. Это было началом традиции деления истории на пять эпох, а также ее разграничения на Священную историю иудеев (а затем христиан) и историю других народов.

Первым же автором универсальной христианской истории стал ученик Августина Павел Орозий (ок. 380–420 гг.). В своем труде «Семь книг истории против язычников» он описал последовательное становление и падение четырех мировых империй – Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской. Смена одной империей на другую являла собой поверхностное содержание истории как таковой.

Глубинный смысл кажущихся циклическими процессов, по Орозию, заключался в осуждении неправедности мирского величия, основанного на насилии и грехе. Так же, как и Августин, Орозий противопоставлял мирское, временное и преходящее духовному истинному и вечному. История, являясь отражением борьбы этих категорий, читалась, с одной стороны, как летопись человеческих ошибок, а с другой – как наглядная демонстрация непреклонности Божественного плана.

Вышедшая из иудейской религиозной традиции христианская концепция исторического времени имела ряд важных последствий.

Первое – несмотря на различия человеческих сообществ все они являлись элементами одной, общей для всех истории. Поиски взаимосвязей между разноплановыми событиями, не лежащих на поверхности, а прячущихся в глубинах исторического бытия, стали одной из ключевых задач исторического анализа.

Второе – историческое время превратилось в поле раскрытия и реализации смысла человеческого существования. Это время состоит из этапов и эпох, чья значимость оценивается как изнутри, так из вне – по мере приближения к финалу истории.

В отличие от греков, воображающих вечное повторение одних и тех же событий в существующим в вечности космосе, события в христианском историческом времени были уникальными и единичными. Распятие и воскресение Христа, как и ряд других событий, представленных в Ветхом Завете, были не только священными моментами божественного откровения, но и реальными фактами, отделяющими, преодолевающими прошлое, открывающими новую историческую эпоху.

Христианское историческое время предоставляет пространство для непрерывающегося развития человечества. Время невозможно повернуть вспять. И человек, родившийся после Христа, имеет статус совершенно отличный от статуса человека, родившегося до Христа. Само развитие может иметь глубоко пессимистическую трактовку – как движение и углубление грехопадения вплоть до Страшного суда. Но даже самое пессимистическое прочтение подразумевало возможность духовного совершенствования если не для всего человечества, то для его «праведной» части. Христос давал возможность человеку преодолевать грехопадение, духовно исправляясь.

Тем не менее, видение истории как поступательное движение к определенной цели нельзя считать равнозначной учению о прогрессе. Это не было прогрессом уже потому, что цель не была результатом возрастающей уверенности человека в силе своего разума. Человек в средневековой концепции времени не являлся «агентом», способным выбрать свой путь. Он имел значимость, но лишь как творение. Вне божественного замысла, вне веры, вне стремления к спасению человеческая значимость (и значимость его действий) сводилась к нулю.

Хоть время и воспринималось линейно, а события виделись уникальными и единичными, средневековые авторы исторических работ постоянно прибегали к фактам Священной истории для проведения аналогий с описываемыми ими событиями. Аналогии позволяли им интерпретировать прошлое в свете Божественного замысла. Короли, правители, религиозные деятели, подвижники и грешники сравнивались с персонажами Писания и других авторитетных текстов.

Более подробно о том, как создавались исторические работы, и какой функцией наделяли подобные типические сравнения, мы поговорим с вами в следующей лекции.